

УДК 903.27(510.2)
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-10-35-49

Всадники в трехрогих головных уборах на петроглифах Китая и их сибирские и центральноазиатские соответствия

А. В. Варенов

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

На писанице Уцзячуань в уезде Цзиньюань пров. Ганьсу (КНР) шесть всадников и один стоящий человек показаны в головных уборах, напоминающих корону с тремя зубцами. Стоящую фигуру из Уцзячуань можно воспринимать и как сидящую, если ее очень длинные опущенные вниз «руки» считать контуром широкополого одеяния. Такая трактовка находит соответствие в древнетюркских изображениях Горного Алтая и иных районов. На валуне из могильника Кудыргэ выгравирована сидящая женщина в трехрогом головном уборе с ребенком, перед которой склонились три гораздо меньших по размеру спешившихся всадника. Гравированные изображения женщин в трехрогих головных уборах также встречены на скалах и на костяных предметах в Киргизии, Казахстане и в Хакасии. П. П. Азбелев кудыргинскую «сцену коленопреклонения» интерпретирует как отражение христианского (несторианского) сюжета о поклонении волхвов. Всадники в рогатых головных уборах на писанице из Уцзячуань, сгруппированные по трое, спешат на поклонение к находящемуся слева от них персонажу в трехрогом головном уборе. Этот персонаж, как и на кудыргинском валуне, по росту превосходит и всадников, и даже их коней.

Ключевые слова

Северо-Западный Китай, древнетюркское время, петроглифы, памятник наскального искусства Уцзячуань, «сцена коленопреклонения» из Кудыргэ, «трехрогие» персонажи

Благодарности

Поездка автора в КНР и написание данной работы осуществлены при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00557 «Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья)»

Для цитирования

Варенов А. В. Всадники в трехрогих головных уборах на петроглифах Китая и их сибирские и центральноазиатские соответствия // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 10: Востоковедение. С. 35–49. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-10-35-49

Horsemen in Three-Horned Headdresses at Chinese Rock-Art Sites and Their Siberian and Central Asian Affinities

A. V. Varenov

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Six horsemen and one standing man carved at the Wujiachuan rock-art site in the Gansu Province of China are wearing headdresses resembling a crown with three ‘horns’. The standing figure from Wujiachuan can also be perceived as a seated one if its very long, downward ‘arms’ are to be considered as the outline of a wide-brimmed robe, and the carved lines within it are the ‘real’ arms folded on the chest or on the stomach. This interpretation corresponds with ancient Turkic images of Gorny Altai and other regions. In the Kudyrgé burial ground in Altai, a boulder was exca-

© А. В. Варенов, 2020

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 10: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2020, vol. 19, no. 10: Oriental Studies

vated, on which the so-called 'knee bending scene' was engraved. A seated woman in a three-horned headdress with a child is depicted, before whom three much smaller in size dismounted horsemen are bowing. The middle horseman is also wearing a three-horned headdress. Engraved images of women in three-horned headdresses were also met on rocks and bone artefacts from Kirgizia, Kazakhstan and Khakassia. P. P. Azbelev interprets the 'knee bending scene' from Kudyrgе as a reflection of the Christian (Nestorian) narrative of worship of the Magi. It can be assumed that the horsemen in horned headdresses depicted at Wujiachuan, grouped in threes are rushing to worship the standing (or rather sitting) figure to their left also in a three-horned headdress. This personage, just like on the Kudyrgе boulder, surpasses both riders and even their horses in height. Rock carvings of riders in three-horned headdresses have also been found in the Badain Jaran Desert in the west of Inner Mongolia and in Zhongwei County of the Ningxia Province. Wherever met, they mark the Ancient Turkic period.

Keywords

North-Western China, Ancient Turkic period, petroglyphs, Wujiachuan rock-art site, 'the knee bending scene' from Kudyrgе, personages in three-horned headdresses

Acknowledgements

The journey to China and this paper were made possible with the financial support of the RFBR, project № 18-09-00557: "The Study of Rock Art Monuments in the Archaeology of China (Periods of Antiquity and Middle Ages)".

For citation

Varenov A. V. Horsemen in Three-Horned Headdresses at Chinese Rock-Art Sites and Their Siberian and Central Asian Affinities. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 10: Oriental Studies, p. 35–49. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-10-35-49

Введение

В начале июля 2019 г. автор в составе группы новосибирских археологов в рамках работы по поддержанному РФФИ проекту по изучению наскальных изображений Китая совершил поездку в пров. Ганьсу и в Нинся-Хуэйский автономный район КНР [Варенов, Кудинова, 2019; 2020]. Петроглифы в пров. Ганьсу распространены в основном в ее гористых северо-западной и центральной (Ганьсуйский коридор) частях. На юго-востоке провинции, где расположен ее административный центр г. Ланьчжоу, в рельефе преобладают лессовые холмы, а наскальные изображения крайне немногочисленны, их местонахождения можно буквально пересчитать по пальцам одной руки. Тем не менее, автору удалось посетить петроглифы памятника Уцзячуань (吴家川) в уезде Цзиньюань на востоке пров. Ганьсу [Варенов, Кудинова, Соловьев, 2019]. Наскальные изображения в Уцзячуань нанесены на естественную поверхность невысокого останца красного песчаника, возвышающегося над лессовым холмом. Порода, на которой выполнены рисунки, очень мягкая, по плотности близкая к мелу, и подвержена эрозии.

Издавший петроглифы Уцзячуань в 1983 г. Чжан Баоси отмечал, что рисунки в технике выбивки выполнены металлическими инструментами [Чжан Баоси, 1983. С. 46]. Но ближе к концу своей статьи он сопоставил наскальные изображения персонажей в трехрогих головных уборах из Уцзячуань и рельефные головы на керамике местной неолитической культуры Баньшань [Чжан Баоси, 1983. С. 47]. В данной статье предполагается для уточнения датировки персонажей в трехрогих головных уборах памятника Уцзячуань и раскрытия семантики китайских петроглифов рассмотреть аналогии им среди изобразительного искусства Южной Сибири и Центральной Азии. Необходимо будет также провести обзор интерпретаций трехрогих персонажей и выбрать ту из них, что лучше всего соответствует реалиям китайской писаницы. Кроме того, планируется осуществить поиск других «трехрогих» антропоморфных изображений среди петроглифов Северо-Западного Китая и оценить их значение для дальнейшего изучения наскального искусства региона.

Описание и интерпретация материала

Размер памятника Уцзячуань невелик: только две плоскости с южной экспозицией. На восточной плоскости присутствуют фигурки оленей и козлов, а также современные иероглифические надписи [Варенов, Кудинова, Соловьев, 2019. С. 347, рис. 2, 1–2]. На западной плоскости, помимо оленей и козлов, выбиты восемь всадников (в силу чего памятник невоз-

можно датировать эпохой бронзы и тем более неолитом) и несколько антропоморфных фигур (рис. 1, 1). Не менее шести всадников и один стоящий (или сидящий) человек изображены в специфических головных уборах, напоминающих корону с тремя зубцами. Один всадник, расположенный в центральной части западной плоскости, «скачет» в левую сторону (рис. 2, 1). Три других всадника выбиты правее него, в правом верхнем углу, и тоже «скачут» влево (рис. 2, 2). Пятый всадник в трехрогом головном уборе, тоже едущий влево, находится в левой части западной плоскости, ниже антропоморфного персонажа с большой круглой головой (рис. 2, 4). Изображение пятого всадника сохранилось плохо, особенно задняя часть фигуры его коня, но на фотографии 1983 г. он виден вполне отчетливо (рис. 1, 2). Шестой всадник в трехрогом головном уборе расположен правее пятого, там, где на нашем фото помещена цифра «4» (рис. 2, 4). Современная сохранность этой фигуры также оставляет желать лучшего, но на протирке 1983 г. шея и голова коня и верхняя часть туловища его седока четко различимы (рис. 1, 2). Фигура стоящего человека в трехрогом головном уборе находится в нижней части левой оконечности западной плоскости, левее и чуть ниже круглоголового персонажа, которого китайские археологи считают солярным божеством или шаманом с бубном (рис. 2, 4). На протирке 1983 г. она осталась за границей кадра. Впрочем, эту фигуру можно воспринимать и как сидящую, если ее очень длинные, опущенные вниз «руки» считать контуром широкополого одеяния, а то, что передано выбивкой внутри него, – сложенными на груди или на животе «настоящими» руками и подогнутыми ногами (рис. 2, 3).

Такая трактовка находит соответствие в древнетюркских изображениях Горного Алтая и иных районов. В погребении 16 могильника Кудыргэ встречен валун-изваяние, на двух сторонах которого выгравирована так называемая «сцена коленопреклонения» (рис. 3, 1). Показана сидящая женщина в трехрогом головном уборе с ребенком, перед которыми склонились три гораздо меньших по размеру спешившихся всадника. Центральный из них тоже в трехрогом головном уборе, а на гривах у всех трех коней выстрижено по три зубца [Руденко, Глухов, 1927. С. 51–52, рис. 18]. В течение почти сотни лет, прошедших с момента раскопок Кудыргэ в 1924–1925 гг., «сцена коленопреклонения» трактовалась либо как отражение раннесредневековой социальной и/или этнокультурной ситуации (подчинение бедных богатым/знатым или одних племен другими), либо как поклонение людей неким древнетюркским божествам [Гаврилова, 1965. С. 19–21; Азбелев, 2010. С. 12–27].

В частности, Л. Р. Кызласов пришел к выводу, что сидящая женщина в трехрогой тиаре – это богиня Умай, а склонившийся перед ней человек в таком же головном уборе – это шаман [Кызласов, 1949. С. 51]. Г. В. Длужневская полагала, что на кудыргинском валуне представлен «обряд испрашивания благополучия рода и семьи» у богини Умай [Длужневская, 1978. С. 237]. Напротив, А. С. Суразаков считал, что на валуне зафиксировано поклонение семье (вдове и ребенку) умершего вождя [Суразаков, 1994. С. 51]. Ю. А. Мотов попытался выяснить содержание и значение изображений на валуне из Кудыргэ в семантическом контексте всего могильника. Он предположил, что комплекс, именуемый «могилой № 16», являлся святилищем Умай, а на валуне запечатлена графическая формула обряда посмертной героизации воина, предстающего перед богиней [Мотов, 2001. С. 64–82].

С середины 60-х гг. XX в. в качестве еще одного источника, отражающего бытование трехрогих головных уборов у кочевников в раннем средневековье, начинают рассматриваться древнетюркские каменные изваяния, распространенные преимущественно в Семиречье и на Тянь-Шане. Я. А. Шер датировал их VI–VIII вв. [Шер, 1966. С. 44]. Г. В. Длужневская высказала мнение, что семиреченские изваяния «могут изображать божество, связанное с культом плодородия или плодovitости» [Длужневская, 1978. С. 236]. С. М. Ахинжанов считал их женскими изображениями шаманок кимако-кипчакского политического объединения, типичными для IX–X вв. [Ахинжанов, 1978. С. 76, 79]. Л. Н. Ермоленко в 1995 г. утверждала, что «большинство реалий изваяний в “трехрогих” головных уборах имеют аналогии среди реалий древнетюркских изваяний среднеазиатско-казахстанского региона VII–VIII вв.» [Ермоленко, 1995. С. 55].

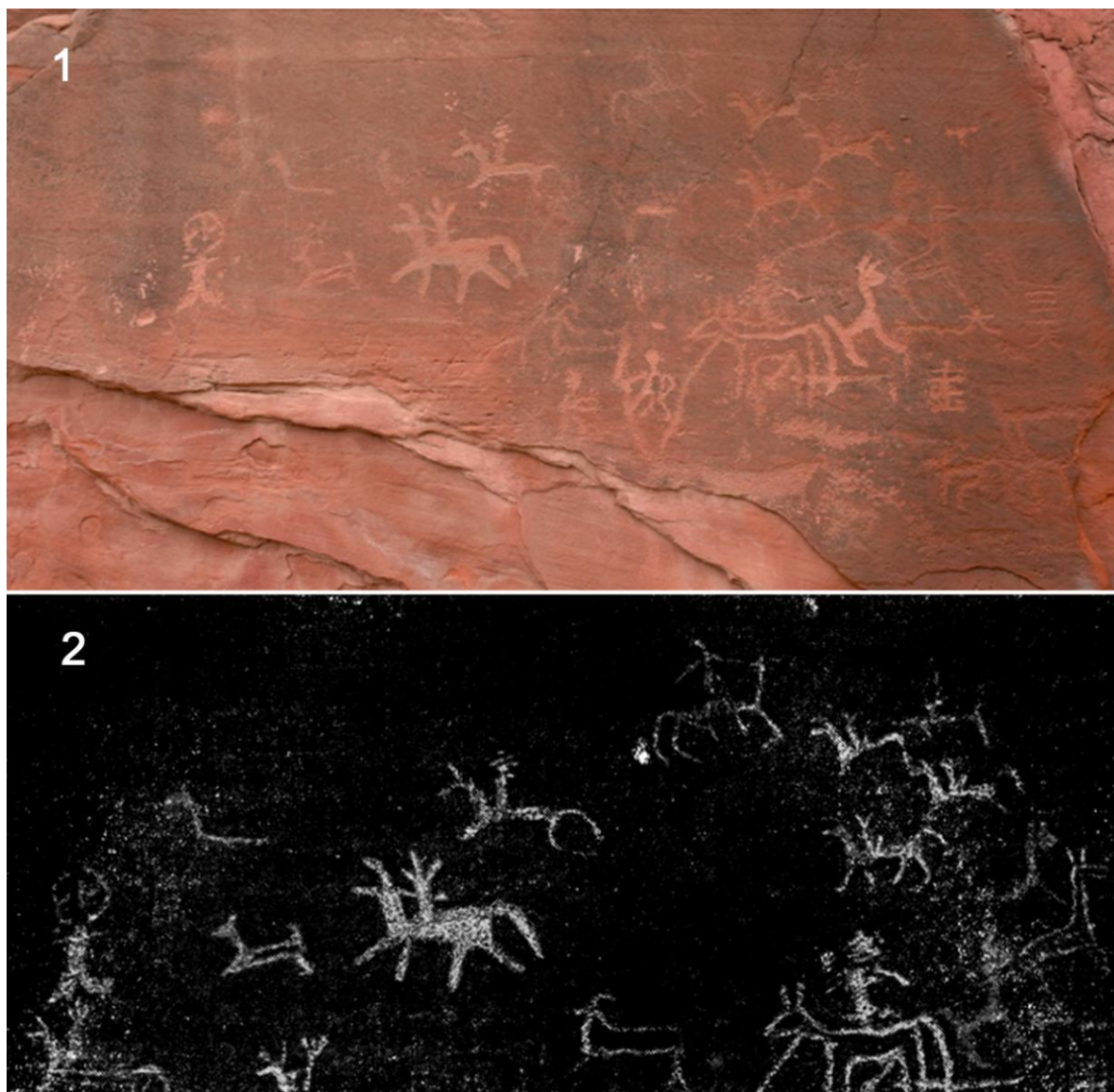

Рис. 1. Западная плоскость памятника Уцзячуань:
1 – фото А. В. Варенова; 2 – сканирование А. В. Варенова (разрешение 1200 dpi)
по: [Чжан Баоси, 1983. С. 47, рис. 4]

Fig. 1. The Western panel of the Wujiaochuan rock art site:
1 – photo by A. V. Varenov; 2 – after [Zhang Baoxi, 1983. p. 47, fig. 4]

В том же 1995 г. при раскопках древнетюркского женского погребения в кургане № 54 на могильнике Суттуу-Булак (Сюттю-Булак) в Центральном Тянь-Шане (Кыргызстан) были встречены костяные пластины с многофигурными гравированными композициями [Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 1997]. На одной из них изображена внутренняя часть юрты, в которой сидят два человека – мужчина и женщина. На голове у женщины – трехрогий головной убор (рис. 3, 2). По мнению Ю.С. Худякова, многофигурные композиции из Суттуу-Булака «могли служить иллюстрациями к повествованию о деяниях эпических героев» [Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 1996. С. 245].

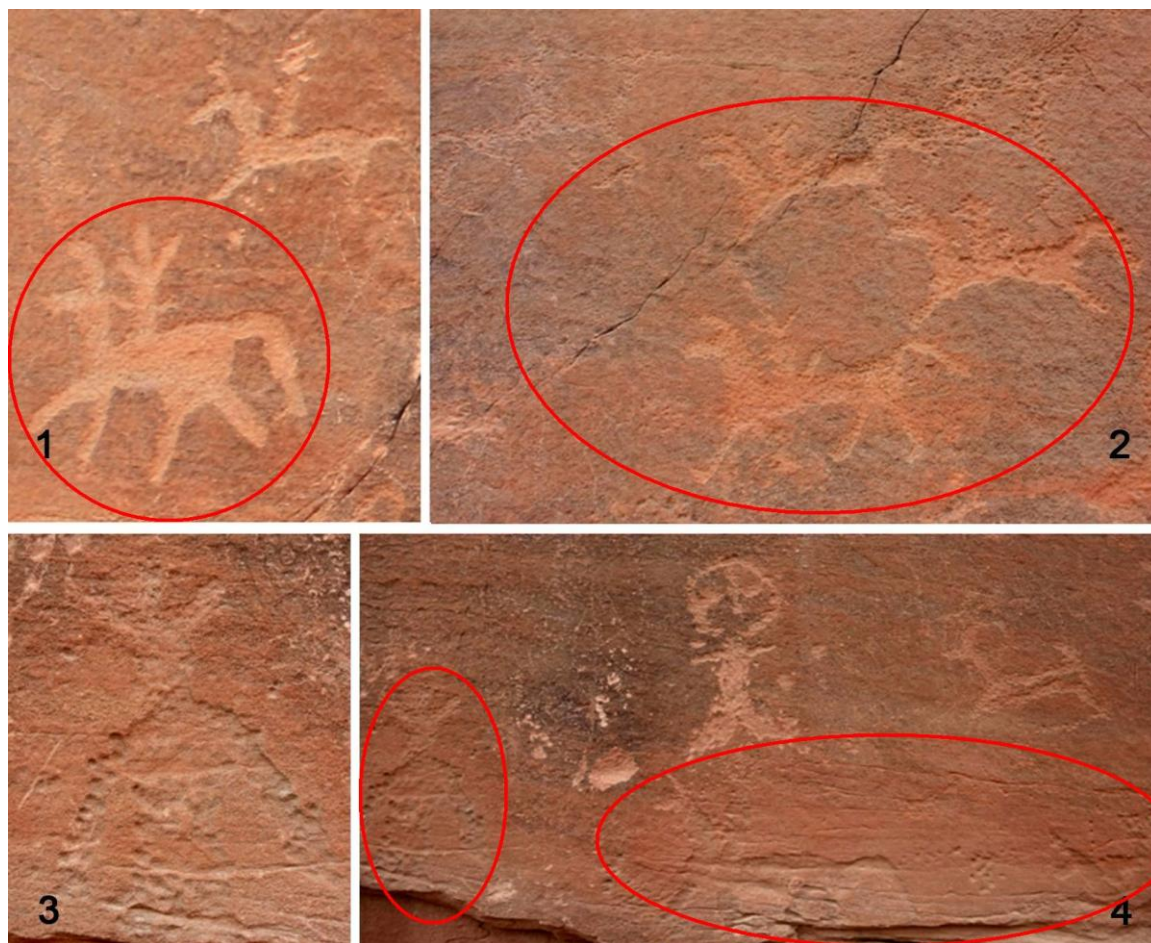

Рис. 2. Детали западной плоскости памятника Уцзячуань:

1 – всадник в трехрогом головном уборе в центре плоскости; 2 – три всадника в рогатых головных уборах в правой части плоскости; 3 – стоящий (сидящий) персонаж в рогатом головном уборе в левой части плоскости; 4 – левая нижняя часть западной плоскости (слева направо): стоящий (сидящий) персонаж в рогатом головном уборе, круглоголовый персонаж (солярное божество / шаман), горный козел, внизу по центру и справа, у границы плоскости – всадники № 5 и № 6 в рогатых головных уборах. 1–4 – фото А. В. Варенова

Fig. 2. The Western panel of the Wujiachuan rock art site, details:

1 – the rider with the three horned headdress in the centre of the panel; 2 – three riders with the horned headdresses in the right part of the panel; 3 – the standing (sitting) personage with the horned headdress in the left part of the panel; 4 – the lower left part of the western panel (from left to right): the standing (sitting) personage with the horned headdress, the round headed personage, the mountain goat, below them, in the centre and to the right, at the fringe of the panel – riders No 5 and No 6 in horned headdresses. 1–4 – photo by A. V. Varenov

Женщина в трехрогом головном уборе, сидящая на тахте рядом с мужчиной внутри юрты (шатра), выбита и на поверхности древнетюркского изваяния № 2 из Когалы в Чу-Илийском междуречье (рис. 3, б). Аналогичный, только более схематичный рисунок есть и среди гравировок Сулекской писаницы на севере Хакасии (рис. 3, 4). В 2012 г. в том же урочище Когалы на скалах безымянной сопки, находящейся в 1,5 км от исследованного ранее мемориального комплекса со стелами, открыто гравированное изображение еще одного персонажа в трехрогом головном уборе (рис. 4, 1). А. Е. Рогожинский сознательно оставил за пределами своих публикаций вопросы семантической и исторической интерпретации изобразительных материалов со стелы № 2 из Когалы и с плоскостей близлежащей сопки [Рогожинский, 2010. С. 341–342; Рогожинский, Солодейников, 2012. С. 125–126].

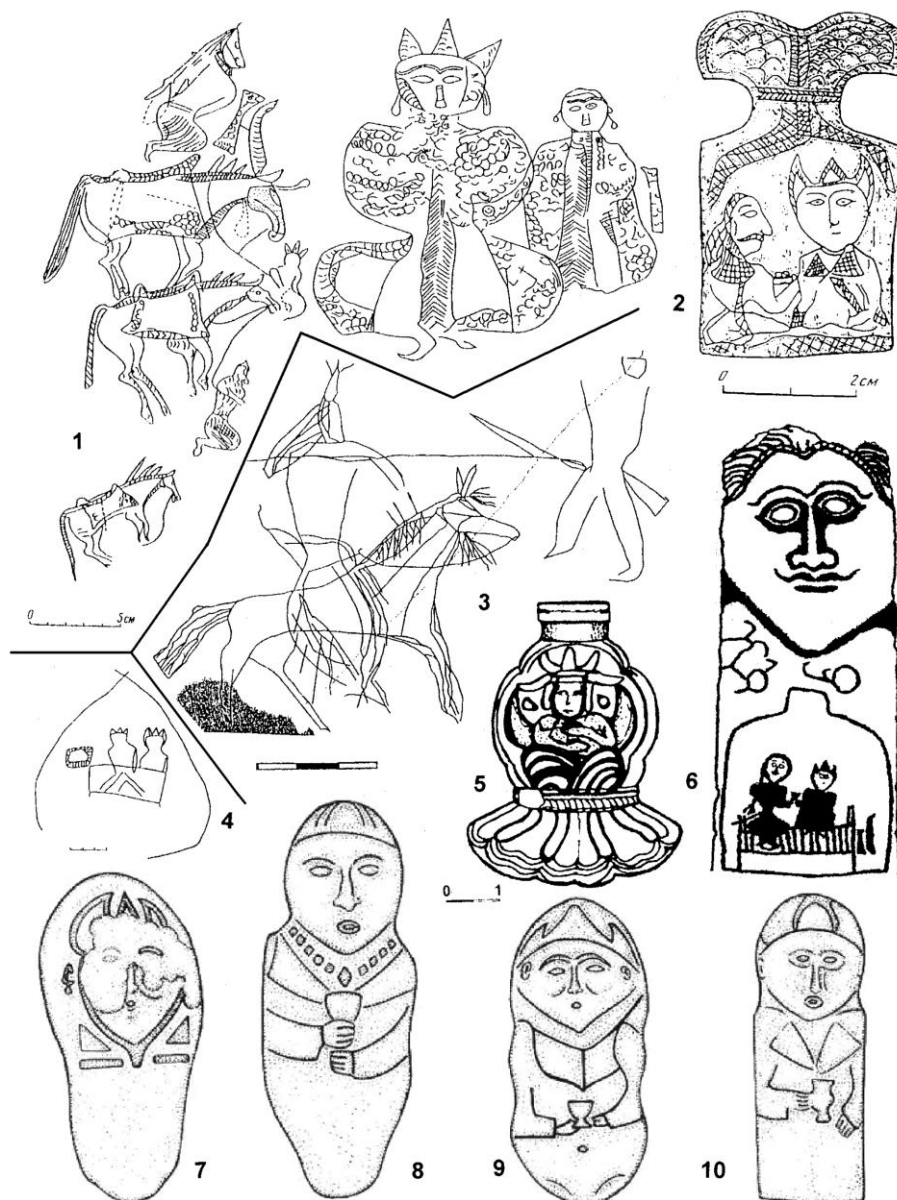

Рис. 3. Аналогии «трехрогим» персонажам с писаницы Уцзячуань:

1 – «сцена коленопреклонения» на валуне из погр. 16 могильника Кудыргэ; 2 – костяная пластинка из кургана № 54 могильника Суттуу-Булак (Сюттю-Булак); 3 – наскальная гравировка из урочища Дялбак; 4 – гравировка с Сулекской писаницы; 5 – бронзовый игольник из фондов Минусинского музея; 6 – сцена, выбитая на изваянии из Когалы; 7–10 – каменные изваяния в «трехрогих» головных уборах. Разный масштаб. Рисунки масштабированы и скомпонованы в таблицу А.В. Вареновым по: [1 – Гаврилова, 1965. табл. VI, 2; 2 – Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 1996. С. 243, рис. 2; 3 – Константинов, Урбушев, 2018. С. 271; 4 – Кызласов, 1998. С. 42, рис. 5; 5 – Скобелев, 1999. С. 164, рис. 3; 6 – Рогожинский, 2010. рис. 8, 2; 7–10 – Худяков, 2010. С. 103, рис. 1]

Fig. 3. Analogies to “three-horned” personages of the Wujiachuan rock art site:

1 – the «knee bending scene» carved on the boulder from the No 16 burial of Kudyrge burial ground; 2 – bone plaque from No 54 barrow of Suttuu-Bulk burial ground; 3 – the rock carving from Dyalbak site; 4 – the image from Sulek rock art site; 5 – bronze needle container from the Minusinsk Museum; 6 – the scene carved on the Kogaly statue; 7–10 – stone statues in “three-horned” headdresses. All figures are of different scales. Images were scaled and consolidated into a table by A. V. Varenov as per: [1 – Gavrilova, 1965. Pl. VI, 2; 2 – Khudyakov, Tabaldiev, Soltobae, 1996. p. 243, fig. 2; 3 – Konstantinov, Urbushev, 2018. p. 271; 4 – Kyzlasov, 1998. p. 42, fig. 5; 5 – Skobelev, 1999. p. 164, fig. 3; 6 – Rogozhinskiy, 2010. fig. 8, 2; 7–10 – Khudyakov, 2010. p. 103, fig. 1]

Рис. 4. Наскальная гравировка из Когалы, выбивка из уезда Чжунвэй и их современная аналогия:

1 – урочище Когалы (Казахстан); 2 – местонахождение Шифанцзюань (уезд Чжунвэй Нинся-Хуэйского автономного района КНР); 3 – компьютерная игра «RAID – Shadow Legends». Рисунки масштабированы и скомпонованы в таблицу А. В. Вареновым по: [1 – Рогожинский, Солодейников, 2012. рис. 8; 2 – Чжоу Синхуа, 1991. С. 309, рис. С–5; 3 – <https://www.pinterest.de/pin/341007003039923865/> (дата обращения 03.10.2020)]

Fig. 4. Rock carving from Kogaly, from Zhongwei County and their modern analogy:

1 – Kogaly site (Kazakhstan); 2 – Shifangjuan rock art site (Zhongwei County, Ningxia-Hui Autonomous Region of the PRC); 3 – “RAID – Shadow Legends” computer game. Images were scaled and consolidated into a table by A. V. Varenov as per: [1 – Rogozhinskiy, Solodeinikov, 2012. fig. 8; 2 – Zhou Xinghua, 1991. p. 309, fig. C–5; 3 – <https://www.pinterest.de/pin/341007003039923865/> (date of access 03.10.2020)]

И. Л. Кызласов, издавший в 1998 г. гравированное изображение сидящей в шатре пары из Сулека, напротив, основное внимание уделил его семантике и предположил, что так изображались древнетюркские божества Тенгри и Умай, божественность которых «выражена лишь их трехрогими головными уборами», а также жрецы и «некие богоподобные персонажи (прежде всего, очевидно, катун)» [Кызласов, 1998. С. 47]. С. Г. Скобелев, тогда же обратившийся к иконографии образа богини Умай в древнетюркскую эпоху, главными ее атрибутами считал крылья, а головной убор в виде трехрогой (трехлучевой) тиары или нимб – факультативными [Скобелев, 1999. С. 164–166]. Он приводит изображение женщины с крыльями и в трехрогом головном уборе на металлическом предмете в виде рыбки – случайной находке, хранящейся в Минусинском музее (рис. 3, 5).

В 2010 г., в ходе исследования вопроса о возможной иконографии божеств древнетюркского пантеона, обзор раннесредневековых изображений персонажей в трехрогих головных уборах на территории Южной Сибири и Центральной Азии предпринял Ю.С. Худяков, включивший в круг источников, помимо валуна из Кудыргэ, пластинок из Сутуу-Булака и петроглифов также ряд древнетюркских каменных изваяний (рис. 3, 7–10). Рассмотрев выдвигающиеся ранее версии, что так выглядели древнетюркские божества Тенгри, Умай и/или шаманы, он пришел к выводу, что никаких оснований считать, будто древние тюрки «представляли своих богов Тенгри и Умай в антропоморфном обличье, не существует», а «трехрогие» изображения передавали «головные уборы с высоким коническим верхом и боковыми наушами», которые «определенно вошли в моду и приобрели престижный характер у древнетюркских женщин в период существования Первого Тюркского каганата» [Худяков, 2010. С. 99, 101].

Однако трехрогий головной убор может не обязательно оказаться парадным или ритуальным, о чем свидетельствуют открытые в 2017 г. в урочище Дялбак в Восточном Алтае раннесредневековые гравированные изображения [Константинов, Урбушев, 2018. С. 271–272]. Среди них есть фигура сидящего на коне воина с копьем в руках и в трехрогом головном уборе (рис. 3, 3). На гриве его коня выстрижены три зубца. Кони с выстриженными на гривах тремя зубцами встречаются не только на накладке на переднюю луку седла из погребения 9 того же могильника Кудыргэ [Гаврилова, 1965. С. 24, 33, 35–36, табл. XV, 12, XVI, 1], но и в раннесредневековых петроглифах Чаганки и Елангаша в Горном Алтае [Konstantinov, Soenov, Cheremisin, 2016. p. 11–12, fig. 4, 2, 5, 3, 6, 2].

П. П. Азбелев выводит стрижку конской гривы в виде трех зубцов из стремления древних тюрков уподобить лошадь мифическому трехроговому «носорогу» древнего и раннесредневекового Китая [Азбелев, 2010. С. 7–9]. Но на гривах всех коней из Уцзячуань трех зубцов нет. На верху конских голов показан только один сильно выдающийся вперед выступ, соответствующий челке, настороженным ушам или султану (плюмажу). Так что три зубца, выстриженных на гриве коня, скорее всего – местная алтайская специфика древнетюркской эпохи, характерная в том числе и для наскальных изображений Монгольского Алтая [Кубарев, Цзэвэндорж, Якобсон, 2005. С. 109–110].

П. П. Азбелев «сцену коленопреклонения» интерпретирует как отражение христианского (неисторического) сюжета о поклонении волхвов [Азбелев, 2010. С. 48–49]. Не вдаваясь в обсуждение предложенной петербургским исследователем трактовки сцены на валуне из Кудыргэ, можно предположить, что всадники в рогатых головных уборах на писанице из Уцзячуань, сгруппированные по трое в левой и в правой частях западной плоскости, спешат на поклонение к стоящему (или, скорее, сидящему) слева от них персонажу в таком же трехрогом головном уборе (рис. 5, 1). Этот персонаж, как и на кудыргинском валуне, по росту превосходит и всадников, и даже их коней. Исходя из ориентации по странам света самой скалы с рисунками, верховые паломники в трехрогих головных уборах едут, как и новозаветные волхвы, с востока на запад. Судя по степени их сохранности, правая группа «рогатых» всадников чуть моложе левой.

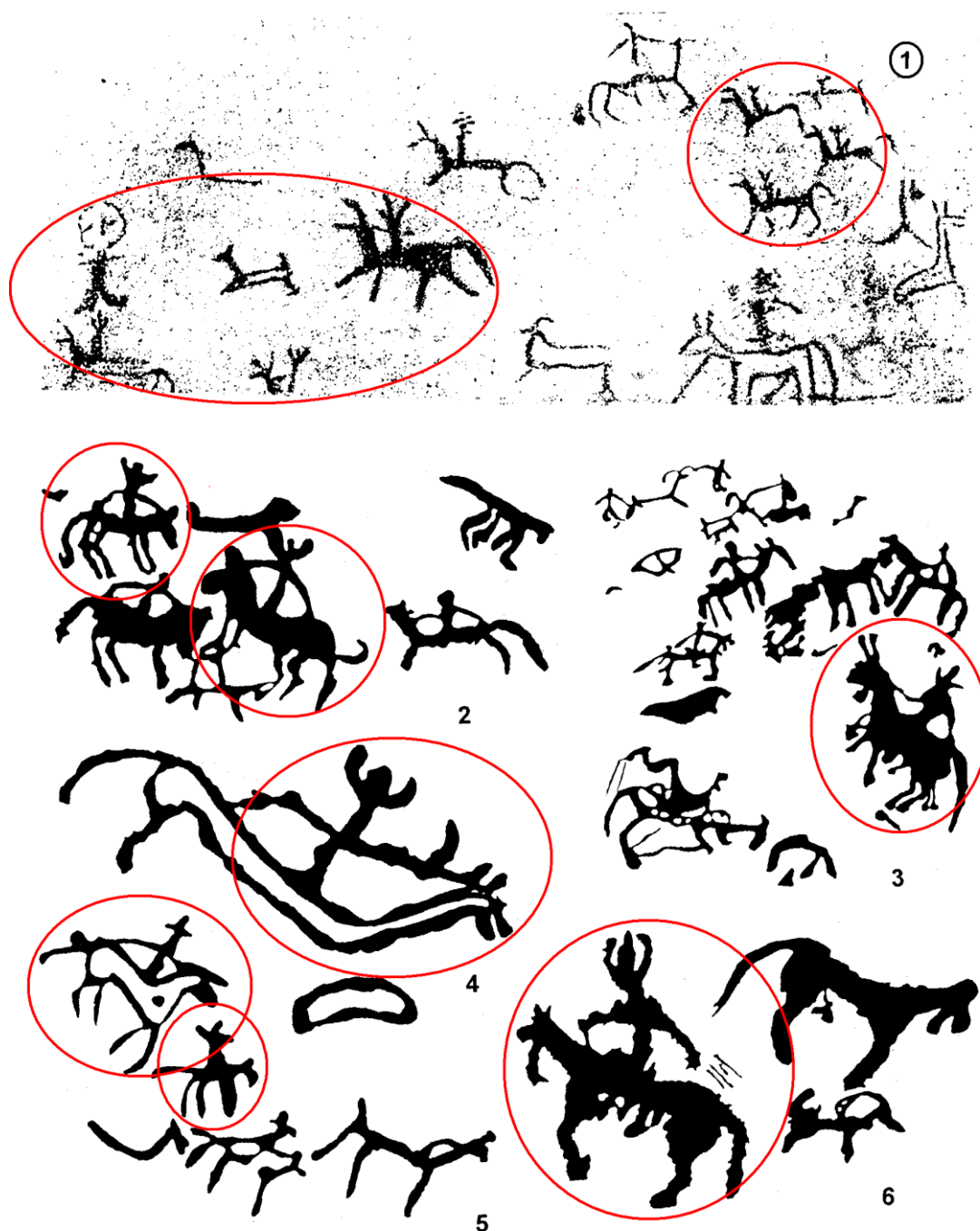

Рис. 5. Наскальные изображения «трехрогих» всадников в Китае:

1 – западная плоскость писаницы Уцзячуань; 2–6 – местонахождение Маньдэлашань из пустыни Бадын-Джаран (Внутренняя Монголия). Масштаб рисунков разный. Рисунки масштабированы и скомпонованы в таблицу А. В. Вареновым по: [1 – Чжан Баоси, 1983. С. 47, рис. 4 (в обратных цветах); 2–6 – Гай Шаньлинь, 1997. С. 248, 259, 289, 290, рис. 266, 343, 579, 582, 587]

Fig. 5. Rock carvings of “three-horned” horse riders in China:

1 – The Western panel of the Wujiachuan rock art site; 2–6 – Mandelashan rock art site from the Badain Jaran Desert (Inner Mongolia). The scale of figures varies. Images were scaled and consolidated into a table by A. V. Varenov as per: [1 – Zhang Baoxi, 1983. p. 47, fig. 4 (in reverse colours); 2–6 – Gai Shanlin, 1997. p. 248, 259, 289, 290, fig. 266, 343, 579, 582, 587]

Для поиска аналогий всадникам в трехрогих головных уборах из Уцзячуань среди известных наскальных изображений Северо-Западного Китая автор сплошь просмотрел монографические публикации петроглифов из Ганьсу и соседних провинций Цинхай, Нинся и Внутренняя Монголия. За исключением памятника Уцзячуань, персонажей в трехрогих головных уборах среди изданных к настоящему моменту петроглифов Южной и Северной Ганьсу нет [Ду Чэнфэн, 2014; Хань Цзиган, 2015]. Нет их и в наскальных рисунках соседнего Цинхая, гор Иньшань и степи Уланьчаб в южной части Внутренней Монголии [Тан Хуйшэн, Чжан Вэньхуа, 2001; Гай Шаньлинь, 1986; Гай Шаньлинь, 1989].

Всадники в трехрогих головных уборах встречены в пяти пунктах местонахождения петроглифов Маньдэлашань, что находится на юго-востоке пустыни Бадын-Джаран (*кит.* Баданьцилинь 巴丹吉林) в западной части Внутренней Монголии [Гай Шаньлинь, 1997. С. 248, 259, 289, 290, рис. 266, 343, 579, 582, 587]. В двух случаях их головные уборы напоминают ковбойскую шляпу с широкими полями (рис. 5, 5), в двух других – сомбреро (рис. 5, 2, 4), еще в двух похожи на высокую шапку с торчащими отворотами (рис. 5, 2, 3) и лишь в одном – на корону или рогатый шлем (рис. 5, 6). В трех пунктах кони «рогатых» всадников показаны с четырьмя ногами, еще в двух – только с двумя. Выстриженных на гриве трех зубцов нет ни у одного из них.

Еще один рисунок персонажа в трехрогом головном уборе есть на памятнике Шифанцзюань, расположенном в городском округе (ранее – уезде) Чжунвэй Нинся-Хуэйского автономного района, лежащего примерно на равном расстоянии от Уцзячуань и Маньдэлашань, на полпути между ними [Чжоу Синхуа, 1991. С. 309, рис. С–5]. Этот антропоморф с акцентированным признаком мужского пола и в трехрогой короне с высокими зубцами стоит рядом с конем, голова (но не грива!) которого увенчана похожим трезубцем. Однако он гораздо крупнее лошади, которая на его фоне смотрится как собака (рис. 4, 2). Плечи, руки, туловище рогатой антропоморфной фигуры покрыты изображениями выступающих шипов, чем она близко напоминает персонажа какой-нибудь компьютерной игры в стиле фэнтези (рис. 4, 3). В других обобщающих изданиях, также описывающих наскальные изображения уезда Чжунвэй, данный петроглиф отсутствует [Ли Сянши, Чжу Цуньши, 1993. С. 140–219; Сюй Чэн, Вэй Чжун, 1993. С. 204–352].

Выводы

В заключение хотелось бы остановиться на вопросе выделения наскальных изображений тюркского времени в Китае и в иных регионах. В Китае данная тема разработана очень слабо, а тюркские наскальные гравировки китайские исследователи петроглифов, видимо, пока попросту не замечают. Во всяком случае, рисунков, выполненных в технике резной линии, в опубликованных ими сводах практически совсем нет. При чтении же отечественной литературы порой складывается впечатление, что петроглифы древнетюркского времени представлены только гравировками [Серегин Н. Н., Мухарева, 2015; Konstantinov, Soenov, Cheremisin, 2016]. Проблема заключается в трудности отделения тюркских выбивок, особенно простых (таких, например, как схематичные изображения горных козлов – *теке*) от более ранних или более поздних (этнографически современных) [Кубарев, 2011. С. 62–63].

Подходы к ее решению видятся в выделении хронологических маркеров в виде ранне-средневековых реалий, присутствующих не только среди гравированных, но и среди выбитых наскальных изображений, к которым можно было бы привязывать в силу совместного нахождения в одной композиции и/или стилистического сходства и иные рисунки. К числу уже задействованных исследователями хронологических индикаторов тюркской эпохи в массиве наскальных выбивок можно отнести не только упоминавшуюся выше стрижку конской гривы в виде трех зубцов [Güneri, 2018. P. 156–158], но и всадников со знаменами [Рогожинский, 2019]. Еще одним признаком тюркской эпохи для выбитых наскальных рисунков, как

мы пытались продемонстрировать, являются изображения персонажей в трехрогих головных уборах.

Список литературы

- Азбелев П. П.** Кудыргинский сюжет. СПб.: ЛЕМА, 2010. 60 с.
- Ахинжанов С. М.** Об этнической принадлежности каменных изваяний в «трехрогих» головных уборах из Семиречья // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата: Наука Каз. ССР, 1978. С. 65–79.
- Варенов А. В., Кудинова М. А.** Путешествие на Северо-Запад за петроглифами // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 10: Востоковедение. С. 106–113. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-106-113
- Варенов А. В., Кудинова М. А.** Путешествие на Северо-Запад за петроглифами. Часть 2. Продолжение в Нинся // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 4: Востоковедение. С. 147–158. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-147-158
- Варенов А. В., Кудинова М. А., Соловьев А. И.** Полевое исследование писаницы Уцзячуань в уезде Цзинъюань провинции Ганьсу (КНР) летом 2019 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. 25. С. 345–352. DOI 10.17746/2658-6193.2019.25.345-352
- Гаврилова А. А.** Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 144 с.
- Длужневская Г. В.** Еще раз о «кудыгинском валуне» (К вопросу об иконографии Умай у древних тюрков) // Тюркологический сборник 1974. М.: Наука, ГРВЛ, 1978. С. 230–237.
- Ермоленко Л. Н.** К проблеме каменных изваяний в «трехрогих» головных уборах // Наскальное искусство Азии. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. Вып. 1. С. 54–55.
- Константинов Н. А., Урбушев А. У.** Раннесредневековые гравировки Дялбака // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. Вып. 2. С. 270–272.
- Кубарев В. Д.** Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. 444 с.
- Кубарев В. Д., Цэвэндорж Д., Якобсон Э.** Петроглифы Цаган-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск; Улан-Батор; Юджин: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 640 с.
- Кызласов Л. Р.** К истории шаманских верований на Алтае // КСИИМК АН СССР. 1949. Вып. 29. С. 49–52.
- Кызласов И. Л.** Изображение Тенгри и Умай на Сулекской писанице // Этнографическое обозрение. 1998. № 4. С. 39–53.
- Мотов Ю. А.** К изучению идеологии раннесредневекового населения Алтая (по материалам могильника Кудыргэ) // История и археология Семиречья. Алматы: Фонд «Родничок», 2001. Вып. 2. С. 63–86.
- Рогожинский А. Е.** Новые находки памятников древнетюркской эпиграфики и монументального искусства на юге и востоке Казахстана // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Алматы: Print-S, 2010. С. 329–344.
- Рогожинский А. Е.** Флаги на скалах (изображения знамен в ландшафтах с петроглифами тюркской эпохи Казахстана) // Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства (2) Памяти Е. Г. Дэвлет. Труды САИПИ. М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2019. Вып. 12. С. 275–289.
- Рогожинский А. Е., Солодейников А. К.** О новых находках и методах документирования древнетюркских граффити на юге Казахстана // Историко-культурное наследие и современная культура. Алматы: Service Press, 2012. С. 123–126.

- Руденко С. И., Глухов А. Н.** Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. Л.: Изд-е Гос. Рус. музея, 1927. Т. 3, вып. 2. С. 37–52.
- Серегин Н. Н., Мухарева А. Н.** История изучения петроглифов раннего средневековья на территории Алтая // Науч. обзор. Саяно-Алтай. 2015. № 1 (9). Сер.: Археология. Вып. 2. С. 95–106.
- Скобелев С. Г.** Иконография образа богини Умай в древнетюркскую эпоху // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии. Новосибирск: НГУ, 1999. С. 162–167.
- Суразаков А. С.** К семантике изображений на Кудыргинском валуне // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н. э. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. С. 45–55.
- Худяков Ю. С.** Об изображении божеств древнетюркского пантеона на памятниках искусства кочевников Южной Сибири и Центральной Азии эпохи раннего средневековья // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2010. № 3 (15). С. 93–103.
- Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш., Солтобаев О. А.** Многофигурные композиции на костяных пластинах из памятника Суттуу-Булак // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: Материалы IV Годовой итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Дек. 1996. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 1996. С. 242–245.
- Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш., Солтобаев О. А.** Новые находки предметов изобразительного искусства древних тюрков на Тянь-Шане // Российская археология. 1997. № 3. С. 142–147.
- Шер Я. А.** Каменные изваяния Семиречья. М.; Л.: Наука, 1966. 138 с.
- Güneri A. S.** Altay Dağları Bölgesi Kaya Resimleri: Klasik Türk Dönemi-2 Evresi Türk Tasvir Sanatına Dair Yeni Kavramlar // Arkeoloji ve Sanat. 159: Eylül-Aralık 2018. P. 149–160. (на тур. яз.)
- Konstantinov N., Soenov V., Cheremisin D.** Battle and hunting scenes in Turkic rock art of the early Middle Ages in Altai // Rock Art Research. 2016. Vol. 33. No. 1. P. 8–18.
- Гай Шаньлинь.** Иньшань яньхуа [蓋山林。陰山岩画]. Петроглифы гор Иньшань. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1986. 2, 20, 442 с. (на кит. яз.)
- Гай Шаньлинь.** Уланьчабу яньхуа [蓋山林。烏蘭察部岩画]. Петроглифы степи Уланьчаб. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1989. 22, 336 с. (на кит. яз.)
- Гай Шаньлинь.** Баданьцзилинь шамо яньхуа [蓋山林。巴丹吉林沙漠岩画]. Петроглифы пустыни Баданьцзилинь. Пекин: Бэйцзин тушугуань чубаньшэ, 1997. 400 с. (на кит. яз.)
- Ду Чэнфэн.** Сунань яньхуа [杜成峰。肅南岩画]. Петроглифы Южной Ганьсу. Ланьчжоу: Ганьсу миньцзу чубаньшэ, 2014. 200 с. (на кит. яз.)
- Ли Сянши, Чжу Цуньши.** Хэланьшань юй Бэйшань яньхуа [李祥石,朱存世。賀蘭山與北山岩画]. Петроглифы гор Хэланьшань и Бэйшань. Иньчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ, 1993. 369 с. (на кит. яз.)
- Сюй Чэн, Вэй Чжун.** Хэланьшань яньхуа [许成, 卫忠。贺兰山岩画]. Петроглифы гор Хэланьшань. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1993. 34, 398 с. (на кит. яз.)
- Тан Хуйшэн, Чжан Вэньхуа.** Цинхай яньхуа – шицянь ишу чжун эрыюань дуйли сывэй цзи ци гуаньянь дэ яньцзю [汤惠生, 张文华。青海岩画一史前艺术中二元对立思维及其观念的研究]. Петроглифы Цинхай – исследование дуалистического мышления и его идей в первобытном искусстве. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2001. 280 с. (на кит. яз.)
- Хань Циган.** Субэй яньхуа. [韩积罡。肃北岩画]. Петроглифы Северной Ганьсу. Ланьчжоу: Ганьсу жэньминь мэйшу чубаньшэ, 2015. 270 с. (на кит. яз.)
- Чжан Баоси.** Ганьсу шэн Цзиньюань сянь Уцзячуань фасянь яньхуа [张宝玺。甘肃省靖远县吴家川发现岩画] Петроглифы, обнаруженные в Уцзячуань, уезда Цзиньюань пров. Ганьсу // Вэньу. 1983. № 2. С. 46–47. (на кит. яз.)

Чжоу Синхуа. Чжунвэй яньхуа. [周兴华. 中卫岩画]. Петроглифы Чжунвэй. Иньчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ, 1991. 6, 442 с. (на кит. яз.)

References

- Ahinzhanov S. M.** Ob etnicheskoi prinadlezhnosti kamennykh izvayaniy v “trehrogih” golovnykh uborah iz Semirechya [On the Ethnic Attribution of Stone Statues from Semirech’e]. *Arheologicheskie pamyatniki Kazahstana*. Alma-Ata, Nauka Kaz. SSR, 1978. P. 65–79. (in Russ.)
- Azbelev P. P.** Kudyrghinskiy syuzhet [The Kudyrge plot]. St. Petersburg, LEMA Publ., 2010. 60 p. (in Russ.)
- Dluzhnevskaya G. V.** Eshcho raz o “kudyrghinskom valune” (K voprosu ob ikonografii Umai u drevnih turkov [Once again on the “kudyrge boulder” (To the question of Umai iconography among the Ancient Turks)]. In: *Turkologicheskiy sbornik 1974*. Moscow, Nauka, 1978, p. 230–237. (in Russ.)
- Ermolenko L. N.** On the Problem of Sculpture in the “Three-Horned” Headdresses. In: *Rock Art of Asia*. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 1995, iss. 1, p. 54–55. (in Russ.)
- Gavrilova A. A.** Mogilnik Kudyrge kak istochnik po istorii altaiskikh plemen [Kudyrge burial ground as the source on the history of Altai tribes]. Moscow, Leningrad, Nauka, 1965, 144 p. (in Russ.)
- Güneri A. S.** Petroglyphs of the Mongolian Altai: New Concepts of the Turkic Rock Art of the Classical Turkic Period-2. *Journal of Archaeology and Art*. 159: September-December, 2018, p. 149–160. (in Turk.)
- Khudyakov Yu. S.** Ob izobrazhenii bozhestv drevneturkskogo panteona na pamyatnikah iskusstva nomadov Yuzhnoi Sibiri i Tsentralnoi Azii epohi rannego srednevekov’ya [On the images of gods of Ancient Turkic pantheon on the art objects of nomads of South Siberia and Central Asia of the Early Medieval epoch]. *Drevnosti Sibiri i Tsentralnoi Azii*, 2010. no. 3 (15), p. 93–103. (in Russ.)
- Khudyakov Yu. S., Tabaldiev K. Sh., Soltobaev O. A.** Mnogofigurnye kompozitsii na kostyanykh plastinakh iz pamyatnika Suttuu-Bulak [Multi-figure Compositions on Bone Plaques from the Suttuu-Bulak Site]. In: *Noveishie arheologicheskie i etnograficheskii otkrytiya v Sibiri*. Proceedings of the IV Year Session of IAE SB RAS. December 1996. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 1996, p. 242–245. (in Russ.)
- Khudyakov Yu. S., Tabaldiev K. Sh., Soltobaev O. A.** New Finds of Old Turks Art Objects in Tien-Shan. *Rossiyskaya Arkheologiya*, 1997, no. 3, p. 142–147. (in Russ.)
- Konstantinov N., Soenov V., Cheremisin D.** Battle and hunting scenes in Turkic rock art of the early Middle Ages in Altai. *Rock Art Research*, 2016, vol. 33, no. 1, p. 8–18.
- Konstantinov N. A., Urbushev A. U.** Early medieval engravings of Dyalbak. In: *Sovremennye resheniya aktualnykh problem evraziiskoi arheologii*. Barnaul, Altai State University Publishers, 2018, iss. 2, p. 270–272. (in Russ.)
- Kubarev V. D.** The Petroglyphs Kalbak-Tash I (Russian Altai). Novosibirsk, The IAE Press, 2011, 444 p. (in Russ.)
- Kubarev V. D., Tseveendorzh D., Jacobson E.** Petroglyphs of Tsagaan-Salaa and Baga-Oigor (Mongolian Altai). Novosibirsk, Ulaan-Bator, Eugene, IAE SB RAS Publ., 2005, 640 p. (in Russ.)
- Kyzlasov L. R.** K istorii shamanskih verovanij na Altae [To the History of Shamanistic Beliefs in Altai]. *KSIMK*, 1949, iss. 29, p. 49–52. (in Russ.)
- Kyzlasov I. L.** Tengry and Umay Imprint on Sulek Rock Paintings. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic review]*, 1998, no. 4, p. 39–53. (in Russ.)

- Motov Y. A.** Studies on the Ideology of the Early Medieval Population of Altai (On the Materials of the Kudyrge Burial Ground). In: *Istoriya i arheologiya Semirechya*. Almaty, "Rodnichok" foundation, 2001, iss. 2, p. 63–86. (in Russ.)
- Rogozhinskiy A. E.** Novye nahodki pamyatnikov drevneturkskoi epigrafiki I monumentalnogo iskusstva na yuge I vostokey Kazahstana [New finds of ancient Turkic epigraphy sites and monumental art at the South and East of Kazakhstan]. In: *Rol nomadov v formirovanii kulturnogo naslediya Kazahstana* [The role of nomads in the formation of cultural heritage of Kazakhstan]. Almaty, Print-S, 2010, p. 329–344. (in Russ.)
- Rogozhinskiy A. E.** Flags on the Rocks (banner representations within the petroglyphic landscapes of the Turkic period in Kazakhstan). In: *Izobrazitelnye I tekhnologicheskie traditsii rannikh form iskusstva (2) Im Memoriam E. G. Devlet. Works of SAPAR*. Moscow; Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 2019, iss. 12, p. 275–289. (in Russ.)
- Rogozhinskiy A. E., Solodeinikov A. K.** O novykh nahodkakh i metodakh dokumentirovaniya drevneturkskikh graffiti na yuge Kazahstana [On the New Finds and Methods of Documentation of Ancient Turkic Graffiti at the South of Kazakhstan]. In: *Historic cultural heritage and modern culture. Proceeding of the International Scientific-Practical Seminar*. Almaty, Service Press, 2012, p. 123–126. (in Russ.)
- Rudenko S. I., Glukhov A. N.** Mogilnik Kudyrge na Altae [Kudyrge Burial Ground at Altai]. In: *Materialy po Etnografii*. Leningrad, State Russian Museum edition, 1927, vol. 3, iss. 2, p. 37–52. (in Russ.)
- Seregin N. N., Mukhareva A. N.** History of the study of petroglyphs dates as of the early Middle Ages on the territory of Altai. *Sayan-Alnai Scientific Review*. 2015. No. 1 (9). Ser.: Archaeology. Iss. 2. P. 95–106. (in Russ.)
- Sher Ya. A.** Kamennye izvayaniya Semirechya [Stone Statues of Semirech'e]. Moscow, Leningrad, Nauka, 1966, 138 p. (in Russ.)
- Skobelev S. G.** Ikonografiya obraza bogini Umai v drevneturkskuyu epokhu [Iconography of Umai Goddess Image in Ancient Turkic Period]. In: *Evraziya: kulturnoe nasledie drevnih tsivilizatsij*. Iss. 2. Gorizonty Evrazii. Novosibirsk, NSU Press, 1999, p. 162–167. (in Russ.)
- Surazakov A. S.** K semantike izobrazhenij na Kudyrbinskom valune [To the Semantics of Kydyrge Boulder Images]. In: *Etnokulturnye protsessy v Yuzhnoi Sibiri i Tsentralnoi Azii v I–II tysyacheletii n. e.* Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 1994, p. 45–55. (in Russ.)
- Varenov A. V., Kudinova M. A.** A Journey to the North-West in Search of Rock Art. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 10: Oriental Studies, p. 106–113. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-106-113
- Varenov A. V., Kudinova M. A.** A journey to the North-West in search of rock art. Part 2. A Ningxia sequel. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 4: Oriental Studies, p. 147–158. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-147-158
- Varenov A. V., Kudinova M. A., Soloviev A. I.** Field research at the Wujiachuan Rock Art Site in Jingyuan County of Gansu province, China in the Summer of 2019. In: *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories*. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2019, vol. 25, p. 345–352. (in Russ.) DOI 10.17746/2658-6193.2019.25.345-352
- Du Chengfeng.** Sunan yanhua [杜成峰。肃南岩画]. Sunan Cultural Relic. Lanzhou, Gansu Minzu publishers, 2014, 200 p. (in Chin.)
- Gai Shanlin.** Yinshan yanhua [盖山林。阴山岩画]. Petroglyphs in the Yinshan Mountains. Beijing, Wenwu publishers, 1986, 2, 20, 442 p. (in Chin.)
- Gai Shanlin.** Wulanchabu yanhua [盖山林。乌兰察布岩画]. Petroglyphs in the Wulanchabu Grassland. Beijing, Wenwu publishers, 1989, 22, 336 p. (in Chin.)
- Gai Shanlin.** Badanjilin shamo yanhua [盖山林。巴丹吉林沙漠岩画]. The Rock Paintings in Badanjilin Desert. Beijing, Beijing Tushuguan publishers, 1997, 400 p. (in Chin.)
- Han Jigang.** Subei yanhua. [韩积罡。肃北岩画]. Rock Paintings of Subei. Lanzhou, Gansu Renmin Meishu publishers, 2015, 270 p. (in Chin.)

- Li Xiangshi, Zhu Cunshi.** Helanshan yu Beishan yanhua [李祥石、朱存世。贺兰山与北山岩画]. The Rock Art in Mt. Helan and Mt. North. Yinchuan, Ningxia People's publishing house, 1993, 369 p. (in Chin.)
- Tang Huisheng, Zhang Wenhua.** Qinghai yanhua – shiqian yishu zhong eryuan duili siwei ji qi guanyan de yanjiu [汤惠生, 张文华。青海岩画—史前艺术中二元对立思维及其观念的研究]. Qinghai Petroglyphs – a Study of Dualism and its Ideas in Prehistoric Art. Beijing, Kexue publishers, 2001, 280 p. (in Chin.)
- Xu Cheng, Wei Zhong.** Helanshan yanhua [许成、卫忠。贺兰山岩画]. Petroglyphs in the Helan Mountains. Beijing, Wenwu publishers, 1993a, 34, 398, p. (in Chin.)
- Zhang Baoxi.** Gansu sheng Jingyuan xian Wujiachuan faxian yanhua [张宝玺。甘肃省靖远县吴家川发现岩画] Petroglyphs discovered in Wujiachuan, Jingyuan County, Gansu province. *Wenwu (Cultural Relics)*, 1983, no. 2. p. 46–47. (in Chin.)
- Zhou Xinghua.** Zhongwei yanhua. [周兴华。中卫岩画]. The Rock Arts in Zhongwei. Yinchuan, Ningxia People's publishing house, 1991, 6, 442 p. (in Chin.)

*Материал поступил в редколлегию
Received
08.10.2020*

Сведения об авторе

Варенов Андрей Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения Гуманитарного института НГУ (Новосибирск, Россия)
avvarenov@mail.ru

Information about the Author

Andrey V. Varenov, Candidate of Science (History), Associate Professor, Chair of Oriental Studies, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)
avvarenov@mail.ru